

Бердяев Николай

Новое средневековье

В истории, как и в природе, существуют ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски. Ритмичность и периодичность свойственны всякой жизни. Говорят об органических и критических эпохах, об эпохах ночных и дневных, сакральных и секулярных. Нам суждено жить в историческое время смены эпох. Старый мир новой истории (он-то, именующий себя все еще по старой привычке "новым", состарился и обряхнул) кончается и разлагается, и нарождается неведомый еще новый мир. И замечательно, что этот конец старого мира и нарождение нового одним представляется "революцией", другим же представляется "реакцией". "Революционность" и "реакционность" так сейчас перепутались, что потерялась всякая отчетливость в употреблении этих терминов. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало нового средневековья. Я не предсказываю, каким путем необходимо пойдет история, в хочу лишь проблематически начертать идеальные черты и тенденции нового типа общества и культуры. Мысли мои часто совершенно превратно понимают и из них делают совершенно неправильные выводы. Я объясняю это тем, что мой образ мыслей истолковывают в категориях новой истории, что его хотят отнести к одному из направлений новой истории, в то время как существо моей мысли в том и заключается, что все категории мысли новой истории, все ее направления кончены и начинается мышление иного мира, мира нового средневековья. Духовные начала новой истории изжиты, духовные силы ее истощены. Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную. Это чувствуют наиболее чуткие люди. Плохо ли это, мрачно ли это, пессимистично ли это? Самая постановка такого рода вопросов совершенно неверна, глубоко антиисторична, слишком рационалистична. Падают ложные покровы, и обнажается добро и зло. Ночь не менее хороша, чем день, не менее божественна, в ночи ярко светят звезды, в ночи бывают откровения, которых не знает день. Ночь первозданное, стихийнее, чем день. Бездна (ипегипо) Я. Беме раскрывается лишь в ночи. День набрасывает на нее покров. Тютчев, великий поэт ночной стихии, поведал нам тайну соотношения дня и ночи:

Над этой бездной безымянной Покров наброшен алатотканый Высокой волею богов.
День - сей блистательный покров. Настала ночь;

Пришла - и с мира рокового Ткань благодатную покрова Собрав, отбрасывает
прочь...

И бездна нам обнажена С своими страхами и мглами, И нет преград меж ней и нами:

Вот отчего нам ночь страшна!

Когда наступают сумерки, теряется ясность очертаний, твердость границ.

Тени сизые смесились, Цвет поблекнул, звук уснул;

Жизнь, движенье разрешились В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Тютчев характеризует это время как "час тоски невыразимой". Мы живем в этот час смешения, в час тоски, когда бездна обнажилась и все покровы сброшены. Тютчев называет ночь "святой" и вместе с тем говорит, что в час ночи

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
... человек, как сирота бездомный,

Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред этой бездной темной...

И чудится давно минувшим сном
Теперь ему все светлое, живое
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье роковое.

Ночь метафизичнее, онтологичнее дня. Дневной покров не только в природе, но и в истории не прочен, он легко скрывается, в нем нет глубины. И весь смысл нашей эпохи, столь несчастливой для внешней жизни отдельных людей, в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни, в раскрытии "наследия рокового". Это и означает вступление в ночь,

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами.
Настанет ночь, и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он будит нас и просит.
Уж в пристани волшебной ожил ч°лн...
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины.
И мы плывем пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Тютчева принято считать поэтом природы, ее ночной стихии. Стихи его, посвященные истории, совсем иные, они написаны еще при свете исторического дня. Но Тютчев глубже, чем думают. Он – вещее явление. Он предшественник ночной исторической эпохи, провидец ее. Поэтом наступающей ночи был и А. Блок. "Развязаны дикие страсти под игом ущербной луны". Он видел не "зори", как думает про него и про себя А. Белый, а наступающие сумерки ночи. Оба они сами не понимали своих предчувствий и давали ложную символику грядущей "революции". Революция не восход, не заря, не начало нового дня, а закат, сумерки, конец старого дня. Мы вступаем в период исторического странствования, про которое можно сказать: "мы плывем пылающею бездной со всех сторон окружены"; "прилив растет и быстро нас уносит в неизмеримость темных волн". А вспомните прославление ночи у Микель-Анжело, в его "дне и ночи". День может изолгаться, порядок дня может истомить, энергия дня истощиться, покровы дня разложиться. Человек, живущий на поверхности, может стосковаться по приобщению к первоосновам, первоистокам бытия. Самый процесс движения в глубину, в недра должен прежде всего производить впечатление угасания дневного света, погружения во тьму. Старая символика исторической плоти рушится, и человечество ищет новой символики, которая должна выразить совершающееся в духовной глубине.

День истории перед сменой ночью всегда кончается великими потрясениями и катастрофами, он не уходит мирно. Закат исторического дня античного мира сопровождался и большими потрясениями и катастрофами, он давал чувство безвозвратной гибели. Начало новой эпохи сопровождается варваризацией. В исторический космос, образованный античной цивилизацией, ворвались хаотические

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org

силы. И мы всегда должны помнить, что страшные войны и революции, крушение культур и гибель государств не только создаются злой волей людей, но также посылаются Провидением. Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира. Тогда был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура нового времени, чем цивилизация XIX века. Тогда не могли еще понять, что Платон – величайшее явление культуры эллинской – был обращен к грядущей ночной эпохе, был уже выходом за пределы эллинского дня. И в наши дни есть еще историки, как, например, Белох, которые видят в Платоне реакцию против поступательного, прогрессивного хода греческого просвещение и греческой цивилизации. Да, конечно, реакцию, но реакцию, которой суждено было длиться очень долго, тысячелетия, реакцию, обращенную вперед, к грядущей эпохе. Таким реакционером суждено, вероятно, быть Достоевскому. Средневековье можно назвать ночной эпохой всемирной истории. И это совсем не в смысле "мрака средневековья", выдуманного просветителями новой истории, а в более глубоком и онтологическом смысле слова. Новым средневековьем я называло ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа. Пусть просветителям новой истории это представляется мракобесием. Меня это мало беспокоит. Я думаю, что сами эти просветители-люди в высшей степени "отсталые", что образ мыслей их совершенно "реакционный" и целиком принадлежит отживающей эпохе. Я исхожу из глубокого убеждения в том, что нет возврата ни к тому образу мыслей, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революции и потрясений, захвативших не только Россию, но и Европу и весь мир. Все привычные категории мысли и формы жизни самых "передовых", "прогрессивных", даже "революционных" людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего. Все термины, все слова, все понятия должны употребляться в каком-то новом, более углубленном, более онтологическом смысле. Скоро неловко, невозможно уже будет употреблять слова, применяя к ним старые квалификации "прогрессивности" или "реакционности". Скоро слова получат свой подлинный онтологический смысл. Скоро для всех будет поставлен вопрос о том, "прогрессивен" ли "прогресс" и не был ли он часто довольно мрачной "реакцией", реакцией против смысла мира, против подлинных основ жизни. Условимся в употреблении слов, чтобы избежать совершенно лишних и праздных споров о словах.

* * *

Русские люди очень любят обсуждать вопрос о том, реакционно ли что-либо или нет. Им даже это представляется главной задачей всякой критики. Это есть старинный обычай русской мыслящей интеллигенции. Можно было надеяться, что революция отучит от этой дурной привычки. Но нет, и до сих пор у нас ведут бесконечные и нудные споры о том, что реакционно и что прогрессивно, как будто не перевернулось все в мире вверх ногами, как будто бы старые интеллигентские критерии сохранили еще хоть какой-либо смысл. Попробуйте применить к эпохам всемирной истории ваши критерии реакционности или революционности, пра-вости или левости. Тоща понятна станет вся смехотворность этих критериев, весь жалкий провинциализм мысли, протекающей в этих категориях. В эпоху падения античного мира и явления христианства "реакционно" было отстаивать начала античного просвещения и античной цивилизации и в высшей степени "прогрессивно" и даже "революционно" было отстаивать те духовные начала, которые потом восторжествовали в средневековой культуре. Творческое движение вперед, революция духа того времени вели к "мраку средневековья". Не последние граждане, не последние писатели и философы античного мира, а отцы и учителя Церкви были людьми подлинного движения духа. В эпоху Ренессанса, на заре новой истории возврат к античности, к древним началам культуры был творческим движением вперед. Ж. де Местр, романтическое движение начала XIX века были реакцией против французской революции и просвещения XVIII века, но это было творческим движением вперед, оплодотворившим всю мысль последующего века. Можно было бы сказать, что "реакционным" является возврат к недавнему прошлому, к тому строю мыслей и строю жизни, которые господствовали до начала революции, переворота и кризиса. Так, после французской революции совершенно реакционно было возвращение к духовному и материальному строю XVIII века, который и привел к революции, и совсем не реакционно возвращение к средневековым началам, к вечному в них, к вечному в прошлом. К слишкомциальному и тленному в прошлом нельзя вернуться, но можно вернуться к вечному в прошлом. В наше время "реакционным" нужно признать возврат к тем началам новой истории, которые восторжествовали окончательно в обществе XIX века и ныне разлагаются. Призыв задержаться на началах новой истории и есть "реакция" в глубочайшем смысле слова, помеха на путях творческого движения. Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории. Мы охотно готовы пропеть слова революционной песни "Отречемся от старого мира", разумея под "старым миром" этот мир новой истории, обреченный на гибель.

Когда мы говорим, что какой-либо исторический мир обречен на гибель, мы, конечно, не хотим сказать, что ничего от этого мира не останется, что в нем ничего нет для вечности, что само существование его было абсолютно бессмысленным. Этого нельзя сказать ни про какую историческую эпоху. Не случайно была пережита новая история. В ней было великое напряжение человеческих сил, великое испытание человеческой свободы. Мы не хотим забыть Леонардо и Микель-Анжело, Шекспира и Гёте, и всех великих провозвестников свободы человека. Гуманистическое самоутверждение было существенным моментом в судьбах человеческого духа, и опыт, пережитый в нем, не пропадет даром, обогатит человека. Ересь гуманизма, созданная новой историей, поставила великую тему, и в ней была своя искаженная история. В новое средневековье войдет опыт свободы, пережитый в новой истории, и все положительные завоевания совести и большая утонченность души. После опыта новой истории невозможно вернуться к старому средневековью, возможно лишь новое средневековье, как после опыта средневековья невозможен был возврат к старому античному миру, а возможно было лишь Возрождение, представлявшее очень сложное взаимодействие христианских и языческих начал. Не погиб окончательно античный мир, не погиб окончательно и мир средневековый, хотя и для того, и для другого мира наступил свой исторический час смены. Так и сейчас исторический мир переживает великую революцию, не коммунистическую революцию, которая в глубине своей совершенно ёреакционная" и есть лишь гниение разложившихся элементов старого мира, а революцию духа. Призыв к новому средневековью в нашу эпоху и есть призыв к революции духа, к новому сознанию. Гуманизм новой истории изжит и во всех сферах культуры и общественной жизни переходит в свою противоположность, приводит к отрицанию образа человека. Это я выяснил в статье "Конец Ренессанса" и книге "Смысл истории".
Гуманистическая идеология в наши дни и есть "отсталая" и "реакционная" идеология. Лишь те антигуманистические выводы, которые сделал ид гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением. Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и человека - вот что опытно обнаруживает наше время. Обнажается и разоблачается природа социализма, выявляются его последние пределы, обнажается и разоблачается, что безрелигиозности, религиозной нейтральности не существует, что религии живого Бога противоположна лишь религия диавола, что религия Христа противоположна лишь религии антихриста. Нейтральное гуманистическое царство, которое хотело устроиться в серединной сфере между небом и адом, разлагается, и обнаруживается верхняя и нижняя бездна. Богочеловеку противостоит не человек нейтрального и серединного царства, а человекобог, человек, поставивший себя на место Бота. Обнаруживаются противоположные полюсы бытия и небытия.

Религия не может быть частным делом, как того хотела новая история, она не может быть автономна, и не могут быть автономны все другие сферы культуры. Религия опять делается в высшей степени общим, всеобщим, всеопределяющим делом. Коммунизм это показывает. Он отменяет автономный и секулярный принцип новой истории, он требует "сакрального" общества, "сакральной" культуры, подчинения всех сторон жизни религии диавола, религии антихриста. В этом огромное значение коммунизма. В этом он выходит за пределы новой истории, подчиняется совсем иному принципу, который я называю средневековым. Разложение серединно-нейтрального, секулярного гуманистического царства, обнаружение во всем полярно-противоположных начал и есть конец безрелигиозной эпохи нового времени, начало религиозной эпохи, эпохи нового средневековья. Это не значит, что в новом средневековье обязательно количественно победит религия истинного Бога, религия Христа, но это значит, что в эту эпоху вся жизнь со всех своих сторон становится под знак религиозной борьбы, религиозной поляризации, выявления предельных религиозных начал. Эпоха обостренной борьбы религии Бога и религии диавола, начал христовых и начал антихристовых будет уже не секулярной, а религиозной, сакральной эпохой по своему типу, хотя бы количественно побеждала религия диавола и дух антихриста. Поэтому русский коммунизм о разворачивающейся при нем

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
религиозной драмой принадлежит уже новому средневековью, а не старой новой истории. Вот почему о русском коммунизме совсем нельзя мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской революции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже гуманистического социализма. В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего. Трагедия русского большевизма разыгрывается не в дневной атмосфере новой истории, а в ночной стихии нового средневековья. Ориентироваться в русском коммунизме можно лишь по звездам. Чтобы понять смысл русской революции, мы должны перейти от астрономии новой истории к астрологии средневековья. Россия – в этом своеобразие ее судьбы – никогда не могла принять целиком гуманистической культуры нового времени, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности, его секулярной серединности. Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии. В России и гуманизм переживался в предельных формах человекобожества, в духе Кирилова, П. Верховенского, И. Карамазова, а совсем не в духе западной гуманистической истории нового времени. Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем куманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру.

* * *

Переход к новому средневековью, как некогда переход к старому средневековью, сопровождается приметным разложением старых обществ и неприметным сложением новых. Старый, устойчивый, сложившийся общественный и культурный космос опрокидывается силами хаотическими и варварскими. Но существовал ли подлинный космос в новой истории? XIX век гордился своим правосознанием, своими конституциями, единством своего научного метода и научной культуры. Но полного внутреннего единства новая история создать не могла. Индивидуализм, атомизм заложен был в ее первоосновах. На протяжении всей новой истории нарастал внутренний распад обществ, восстание человека на человека, класса на класс. Борьба за противоположные интересы, конкуренция, глубокое уединение и покинутость каждого человека характеризуют тип обществ нового времени. В духовной и идейной жизни этих обществ обнаруживалась все нарастающая анархия, утеря единого центра, единой верховной цели. Это воспринималось как автономия всех сфер культурной и общественной жизни, как секуляризация общества. Новая история поняла свободу как индивидуализм, как формальное право каждого человека и каждой сферы культуры на самоопределение. Самый процесс новой истории был понят как освобождение. Но от-чего освобождение и для чего освобождение? Освобождение от старых принудительных теократий, от старого гетерономного сознания. Старые принудительные теократии не могли удержаться, и старое гетерономное сознание должно было быть преодолено. Свобода духа есть неотъемлемое и вечное достижение. Но для чего, во имя чего должно было совершаться освобождение? Этого не знает дух нового времени. Он не имел или не знал своего во имя. Во имя человека, во имя гуманизма, во имя свободы и счастья человеческого. Но тут нет никакого ответа. Нельзя освободить человека во имя свободы человека, не может быть сам человек целью человека. Так упираемся мы в совершенную пустоту. Человек лишается всякого содержания, ему не к чему восходить. Свобода человека оказывается совершенно формальной и бессодержательной свободой. Индивидуализм есть по существу своему отрицательное исправление. В своем развитии он не может укрепить за человеком никакого содержания. Индивидуализм совсем не онтологичен, он не имеет никакой бытийственной основы, Индивидуализм менее всего укрепляет личность, образ человека. И в индивидуалистическую эпоху совсем не процветают яркие индивидуальности, сильные личности. Индивидуалистическая цивилизация XIX века с ее демократией, с ее материализмом, с ее техникой, с общественным мнением, прессой, биржей и парламентом способствовала понижению и падению личности, от цвете-нию индивидуальности, нивелировке и всеобщему смешению. Личность была сильнее и ярче в средние века. Индивидуализм способствовал процессам уравнения, стирающим всякие различия индивидуальностей. Индивидуализм, породивший атомизацию общества, привел и к социализму, который есть лишь обратная сторона атомистического распада, механическое сцепление атомов. Универ-салистическая идея, столь характерная для средневековья, перестает быть господствующей в наше время. Но личность человека может быть вкоренена лишь в универсуме, лишь в космосе, лишь там находит она онтологическую почву и оттуда получает свое высшее содержание. Ай|май0еть .–есть лишь в том случае, если есть Бог и божественное.

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org

Индивидуализм же отрывает личность от бытийственной почвы и отдает ее на растерзание воле ветров. Индивидуализм изжил в новой истории все свои возможности, в нем нет уже никакой энергии, он не может уже патетически переживаться. Конец духа индивидуализма есть конец новой истории. В этом смысле О. Конт по своему духовному типу был средневековым человеком, хотя и в извращенной форме, он стремился преодолеть индивидуалистическую анархию. В наши дни индивидуализм стал совершенно "реакционным" явлением, хотя бы он и продолжал гордо считать себя защитником свободы, просвещения, прогресса. И все образование, возникшие на духовной почве индивидуализма, разлагаются и у в существе своем "реакционны". Либерализм, демократия, парламентаризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия – все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории.

В час сумерек, в час заката все эти формы теряют свои резкие очертания. Человек становится лицом к лицу я перед тайной жизни, перед Богом, он погружается в универсалистическую, космическую атмосферу. Индивидуализм заковал человека в самом себе и в формах, которыми отделил себя человек от других людей и от мира. Эти оковы падают, эти формы низвергаются. Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистическая эпоха. Человек перестает верить в то, что он может охранить себя, размежевываясь с другими путем рационалистического мышления, гуманистической морали, формального права, либерализма, демократии и парламента. Все эти формы обнаруживают лишь глубокий раздор в человечестве, разобщенность, отсутствие единого духа, все они являются формами узаконенного разъединения, договорами о том, чтобы друг друга оставить в покое, в одиночестве, в нежелании избрать истину. Рационализм, гуманизм, правовой формализм, либерализм, демократизм – все это формы мысли и жизни, которые строятся при предположении, что Истина неизвестна и что Истины, быть может, совсем нет, они не хотят знать Истины. Истина есть соединение, а не разъединение и не разграничение, она совсем не заинтересована в том, чтобы так исключительно охранять возможность заблуждения, права на ее отрицание и поношение, хотя сама Истина может быть Истиной о свободе. Но ведь, что такое гуманистическая демократия, как не провозглашение прежде всего права на заблуждение и ложь, как не политический релятивизм и софистика, как не отданье судьбы Истины на решение большинства голосов? Что такое рационалистическая философия, как не самоутверждение индивидуального разума, отпавшего от Истины, от истоков бытия, как не утверждение прав мышления, не желающего избрать Истину и от нее получить силу для познания? Что такое парламент, как не узаконение раздора, как не преобладание "мнений" над "знанием" (употребляю эти слова в Платоновском смысле), как не бессилие перейти от жизни в Истине? Истина должна быть принята свободно, а не принудительно, Истина не терпит рабского к себе отношения. Этому учит нас христианство. Но во время новой истории слишком долго задержалось на формальной свободе в принятии Истины, не совершив своего избрания, и потому оно образовало формы и мысли жизни, обоснованные не на Истине, а на формальном праве избирать какую угодно истину или ложь, т.е. создало беспредметную культуру, беспредметное общество, не знающее во имя чего оно существует. Так дошло новое время до предпочтения небытия бытию. Не может человек жить только для себя и служить только себе. Если нет у него истинного Бога, то он создает себе ложных богов. Он не хотел получить свободу от Бога, но попал в жестокое рабство к ложным богам, к идолам. Не свободен духом человек нового времени, человек кончающейся новой истории, и не во имя свободы совершает он свои восстания и бунты, не во имя свободы отрицают он Истину. Он находится во власти неведомого ему господина, сверхчеловеческой и нечеловеческой силы, которая овладевает обществом, не желающим знать Истины, Истину Господа. Лишь в коммунизме приоткрылась власть этого господина. Но это уже оказывается выходом за пределы новой истории. Приходится выбирать. Формальная свобода новой истории кончается, необходимо перейти к содержанию свободы, к содержательной свободе.

Рушатся основы миросозерцания XIX века, и потому рушатся обоснованные на нем государства и культуры. Рушатся государства монархические и демократические, одинаково имевшие в своей первооснове гуманизм. Переживает кризис и крах не та или иная форма государства, а само государство. Крепких, долголетних государств не осталось. Ни одно государство не знает, что будет с ним завтра. Никакой легитимизм, легитимизм ли старых монархий или легитимизм новых демократий с их формальной идеей народовластия, не имеет более силы над душами людей. Никто более не верит ни в какие юридические и политические формы, никто ни в грош не ставит никаких конституций. Все решается реальной силой. Прав Лассаль в своей

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org

замечательной речи о конституции. Государство держится не юридическими, а социально-биологическими основами. Это окончательно обнаружила мировая война, совершенно дискредитировавшая идею формального права. Итальянский фашизм не менее, чем коммунизм, свидетельствует о кризисе и крахе старых государств. В фашизме спонтанные общественные соединения идут на смену старому государству и берут на себя организацию власти. Добровольческая фашистская армия существует наряду с старой государственной армией, фашистская полиция наряду с старой государственной полицией и имеет реальное превладание. Это не есть принцип новой истории, это, скорее, принцип конца римской империи и начала средневековья. И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм. Фашизм глубоко противоположен принципу формального легитимизма, он не хочет его знать, он есть непосредственное обнаружение воли к жизни и воли к власти, обнаружение биологической силы, а не права. Падение законного принципа власти, правового принципа монархий и демократий и замена его принципом силы, жизненной энергии спонтанных общественных групп и соединений я условно называю новым средневековьем, фашизм не знает, во имя чего он действует, но он переходит уже от юридических форм к самой жизни. Совершенно также потеряла власть над душами людей рационалистическая философия, легитимизм познания, обоснованный гносеологически. Гносеология есть юриспруденция в познании, формалистика, законничество. Теперь вес движения мысли ищет философии жизни и жизненной философии, хочет перейти к предметности. В философском мышлении тоже обнаруживается своего рода фашизм. Он также еще не знает своего "во имя", но переходит от формы к содержанию, от вопроса о законных правах познания к вопросу о самом познании жизни и бытия. Влиятельная философия перестает быть академической, школьной, как влиятельная политика перестает быть парламентской. Все это симптомы одного и того же процесса, стремление приобщиться к жизни. Мир проходит через хаос, но стремится к образованию духовного космоса, универсума, подобного средневековому. Упадок должен предшествовать новому средневековью. Нужно проследить элементы отмирающие и элементы нарождающиеся. Но все время нужно помнить, что в силу присущей человечеству свободы оно может идти двумя путями, что будущее двойственно. Я пытаюсь начертить путь, которым оно должно идти, все время имея в виду эту двойственность.

* * *

Индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост народонаселения и неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни – все это привело к созданию индустриально-капиталистической системы, которая изменила весь характер человеческой жизни, весь стиль ее, оторвав жизнь человеческую от ритма природы. Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление нанреальнейших реальностей. Много ли есть онтологически реального в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях, много ли есть реального в росте ненасытных потребностей? Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения. Вся капиталистическая система хозяйства есть детище пожирающей и истребляющей похоти. Она могла возникнуть лишь в обществе, которое окончательно (учась от всякого христианского аскетизма, отвернулось от неба и исключительно отдалось земным удовлетворениям. Капитализм совершенно невозможно мыслить как сакральное хозяйство, он, конечно, есть результат секуляризации хозяйственной жизни. В этой системе нарушается истинное иерархическое соподчинение материального духовному. Экономизм нашей исторической эпохи и есть нарушение истинного иерархизма человеческого общества, утеря духовного центра. Автономия хозяйственной жизни привела к ее господству над всей жизнью человеческих обществ. Мамонизм стал определяющей силой века, который более всего поклоняется золотому-тельцу. И ужаснее всего, что в этом ничем не прикрытом мамонизме век наш видит великое преимущество познания истины, освобождения от иллюзий. Экономический материализм наиболее совершенно это формулировал, он признал иллюзией и обманом всю духовную жизнь человечества. Социализм есть лишь дальнейшее развитие индустриально-капиталистической системы, лишь окончательное торжество заложенных в ней начал и всеобщее их распространение. Социалисты берут у буржуазного капиталистического общества его материализм, его безбожие, его поверхностное просветительство, его нелюбовь к духу и духовной жизни, его жадность к жизни, к ее успехам и удовлетворениям, его борьбу за эгоистические интересы, его неспособность, к внутренней сосредоточенности. Капитализм и

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
социализм одинаково сопровождаются упадком и угасанием духовного творчества, убылью духа в человеческом обществе. Они возникают не почве убыли духа как результат долгого исторического пути отпадения от духовного центра жизни, от Бога. Вся энергия направилась во вне. Это и есть переход культуры в цивилизацию. Отмирает вся священная символика культуры. Этот дух проявляется уже в древних культурах, и ветхозаветные пророки обличают его. Насколько выше, духовнее, потустороннее была культура древнего Египта или культура средневековья, чем современная культура XIX и XX веков. Нам предстоит несомненный факт: в новой истории, гордой своим прогрессом, центр тяжести жизни перемещается из духовной сферы в материальную, из внутренней во внешнюю жизнь, общество становится все менее религиозным. Не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни. Ни за какие священные символы широкие массы не хотят уже бороться и умирать. Люди не живут уже спорами о догматах веры, не волнуются так тайнами божественной жизни, как в старинные времена. Они считают себя свободными от священного безумия. Таков стиль нашей капиталистически-социалистической эпохи. Вот этой эпохе по многим признакам наступает конец.

Индустриально-капиталистическая эпоха оказалась хрупкой, она сама себя отрицает, она порождает катастрофы. Мировая война с ее неслыханным ужасом порождена этой системой. Современный империализм вырос в недрах этой системы. Он пожирает сам себя. Капиталистическая Европа начала себя милитаристически истреблять.

Трудящиеся классы жили в гипнозе индустриальной системы. Этот гипноз прекратился после катастрофы мировой войны. Народы трудно будет вновь принудить к той дисциплине труда, которая господствовала в капиталистических обществах. И трудно будет восстановить прежнюю производительность труда. Социализм на это не способен. Духовные основы труда разложились и еще не найдено новых. Дисциплина труда есть жизненный вопрос для современных обществ. Но это есть вопрос об освящении и оправдании труда. Вопрос этот совсем не ставится ни в капитализме, ни в социализме, который самим трудом совсем не интересуется. Чтобы дольше жить, обанкротившимся народам придется, быть может" вступить на иной путь, на путь ограничения похоти жизни, ограничения бесконечного роста, потребностей и роста народонаселения, путь нового аскетизма, т.е. отрицания основ индустриально-капиталистической системы. Это, конечно, не означает отрицания человеческой изобретательности и техники, но означает изменение ее роли, подчинение ее человеческому духу. Придется по-новому обратиться к природе, к сельскому хозяйству, к ремеслам. Город должен приблизиться к деревне. Придется организоваться в хозяйственные союзы и корпорации, принцип конкуренции заменить принципом кооперации. Принцип частной собственности в вечной своей основе сохранится, но будет ограничен и одухотворен. Чудовищных частных богатств новой истории не будет. Равенства тоже не будет, но не будет и голодных и погибающих от нужды. Придется перейти к идее упрощенной элементарной материальной культуре и более сложной духовной культуре. Конец капитализма есть конец новой истории и начало нового средневековья. Грандиозное предприятие новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось. Но до этого быть может еще сделает попытку развиваться техническая цивилизация до последних пределов, до черной магии, равно как и коммунизм.

* * *

Новая история создала формы национализма, которых не знал мир средневековый. На Западе национальные движения и национальные обособления явились результатом реформации, протестантского партикуляризма. Духовная почва католичества никогда не привела бы к такой обособленности, к таким крайним формам национального самоутверждения. Образовались замкнутые национальные монады, подобно тому как в замкнутые монады превратились отдельные люди, человеческие индивидуальности. Это была атомизация христианского человечества. И индивидуальности национальные, и индивидуальности отдельных людей перестают осознавать себя принадлежащими к органическим реальным целостям. Каждая ступень утверждает лишь себя. Реформация и гуманизм дали духовную почву лишь для исключительного самоутверждения и самозамыкания, разрушили идею вселенности. Сама религиозная жизнь приняла форму национальной замкнутости. Единого христианского человечества, единого духовного космоса уже нет в новой истории. И католическая церковь превращается в одну из замкнутых сил. Национализм нового времени рожден индивидуализмом. Если взять еще глубже, то нужно будет сказать, что все типические процессы новой истории, в том числе и процесс национальных обособлений, были результатом победы номинализма над средневековым реализмом. Ведь дальше и национальности подвергаются номиналистическому распадению на классы, партии и пр. Процессы национальных индивидуализации, конечно, имели огромное положительное значение, они обогащали, в них реальные национальные личности приходили к самосознанию,

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
обнаруживали свою энергию. Но те формы национализма, до которых дошли народы в XIX и XX веках и которые породили мировую войну, означают распад человечества, отпадение от всякого духовного единства, возврат от христианского монотеизма к языческому политеизму. Национализм французский, немецкий, английский, итальянский нашего времени – совершенно языческий, глубоко антихристианский и антирелигиозный. Французский национализм Третьей республики есть в значительной степени продукт атеизма. Угасла вера в живого Бога и начали верить в ложного бога, в нацию как идола, подобно тому как другие начали верить ^ злейшего из идолов – в интернационализм. Над"я имеет реальные онтологические основы (интернационал их не имеет), но она не должна заменять Бога. Немцы стали верить в немецкого Бога. Но немецкий бог не есть христианский Бог, это – языческий бог, так же как и русский бог. Перед лицом христианского Бога, единственного Бога нет ни зллина, ни иудея. Христианство явилось в мир и победило мир в атмосфере универсализма, когда образовалось единое человечество через эллинистическую культуру и римскую империю. Самое явление христианства означало выход из языческого национализма и партикуляризма. В конце новой истории мы вновь видим перед собой расковавшийся мир языческого партикуляризма, внутри которого происходит смертельная борьба и истребление. Но это одна сторона. Есть и другая сторона.

Мы вступаем' в эпоху, во многом аналогичную эпохе эллинистической. Если никогда не было такого разъединения и вражды, то никогда на протяжении новой истории не было такого мирового сближения и объединения. Кровавый раздор мировой войны способствовал сближению и братанию народов, объединению рас и культур. Мировая война вывела Европу из ее замкнутого состояния. Судьба всех национальностей перестала быть замкнутой и изолированной, все от всех зависят. Устройство всякого народа ныне зависит от состояния всего мира. То, что совершается в России, отзывается на всех странах и народах. Никогда еще не было такого соприкосновения мира Запада и мира Востока, которые долго жили изолированно. Культура перестает быть европейской, она становится всемирной. Европа принуждена будет отказаться от того, чтобы быть монополистом культуры". Россия, стоящая в центре Востока и Запада, хотя страшным и катастрофическим путем, получает все более ощущительное мировое значение, становится в центре мирового внимания. Еще до мировой войны империализм в своей неотвратимой диалектике выводил государства и народы из их замкнутого национального существования и ввергал их в мировую ширь, бросал за моря и океаны. Капитализм на вершинах своих создал мировую систему хозяйства и поставил экономическую жизнь каждой страны в зависимость от мирового экономического положения. Он в высшей степени способствует экономическому сближению народов и ему свойственен своеобразный интернационализм. С другой стороны, социализм принимает интернациональный характер, и в коммунистическом интернационале по-новому и извращенно восстает старая идея принудительного универсализма. Распавшийся мир новой истории, находящийся в состоянии кровавой борьбы наций, классов и отдельных людей, одержимый подозрительностью и злобой, разными путями стремится к универсальному единству, к преодолению того исключительного национального обособления, которое довело нации до падения и разложения. Европа не только нанесла себе страшные удары в мировой войне, но она продолжает истреблять себя в непрекращающейся распре Франции и Германии, во взаимной подозрительности и недоброжелательстве всех наций. Никакого высшего и общего духовного трибунала нации не признают. Но под этим, глубже этого идет процесс мирового объединения, более широкого, чем европейское. Интернационализм есть отвратительная карикатура на вселенность. Но дух вселенности должен пробудиться у христианских народов, воля к свободному универсализму должна обнаружиться. Русский народ из всех народов мира наиболее всечеловеческий, вселенский по своему духу, это принадлежит строению его национального духа. И призванием русского народа должно быть дело мирового объединения, образование единого христианского духовного космоса. Но для этого, конечно, народ русский должен быть крепкой национальной индивидуальностью. Народ русский на путях своих подвергается самым большим соблазнам и соблазнам самого противоположного характера исключительному интернационализму, истребляющему Россию, и не менее исключительному национализму, отделяющему Россию от Европы. Процессы, направленные к преодолению национальной замкнутости и к образованию универсального единства, я называю концом новой истории, ее индивидуалистического духа, и началом нового средневековья. В этом смысле коммунистический интернационализм есть уже явление нового средневековья, а не старой новой истории и к новому средневековью нужно отнести всякую волю к религиозному объединению, соединению разорванных частей христианского мира, волю к универсальной духовной культуре, обнаруживающуюся в высшем духовном слое современного человечества. Это не значит, что новое средневековье будет

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
исключительно пацифично, не будет знать войн. Предстоит, быть может, великая борьба и к ней нужно быть готовым. Но войны будут не столько национально-политическими, сколько духовно-религиозными.

* * *

"Прогрессисты" очень боятся возврата к старым средним векам и борются с идеями и верованиями, которые они считают средневековыми. Меня это всегда удивляло. Ведь прежде всего они совсем не верят в жизненность и победность идей и верований, которые могут быть отнесены к духу средневековья, они убеждены в прочности и долголетии начал новой истории. Зачем же так волноваться? А во-вторых, нужно окончательно установить, что никаких возвратов и реставраций старых эпох никогда не было и быть не может. Когда мы говорим о переходе от новой истории к средневековью, то это есть образный способ выражения. Переход возможен лишь к новому, а не старому средневековью. И этот переход должен быть признан революцией духа и творческим движением вперед, а не "реакцией", как мерецится напуганным и вырождающимся "прогрессистам". Наконец, пора перестать говорить о "тьме средневековья" и противопоставлять ей свет новой истории. Эти пошлые суждения не стоят на уровне современных исторических знаний. Нет надобности идеализировать средние века, как это делали романтики. Мы отлично знаем все отрицательные и темные стороны средневековья - варварство, грубость, жестокость, насильничество, рабство, невежество в области положительных знаний о природе и истории, религиозный террор, связанный с ужасом адских мук. Но знаем также, что средние века были эпохой религиозной до преимущества, были охвачены тоской по небу, которая делала народы одержимыми священным безумием, что вся культура средневековья направлена на трансцендентное и потустороннее, что в эти века было великое напряжение мысли в схоластике и мистике для решения последних вопросов бытия, равного которому не знает история нового времени, что средние века не раstraчивали своей энергии во вне, а концентрировали ее внутри и выковывали личность в образе монаха и рыцаря, что в это варварское время созрел культ прекрасной дамы и трубадуры пели свои песни. Дай Бог, чтобы эти черты перешли новому средневековью. В сущности, средневековая культура была уже возрождением, борьбой с тем варварством и тьмой, которые наступили после падения античной культуры. Христианство и было великой силой просветления тьмы, претворения хаоса в космос. Средневековье очень сложно и богато. Долгое время принято было думать, что средние века - пустое место в умственной истории человечества, в истории философской мысли. Но в средние века было так много замечательных мыслителей и такое разнообразие в мире мысли, как ни в одну эпоху. Для средних веков насущным, жизненным было то, что представляется ненужной роскошью новому времени. И возврат к средневековью есть возврат к более высокому религиозному типу. Нам далеко еще до вершин средневековой духовной культуры. Мы живем в эпоху упадка. Мы, скорее, приближаемся к началам средневековья, когда отрицательные процессы распада преобладали над положительными процессами сложения и творчества. Средневековье не есть эпоха тьмы, но оно есть ночная эпоха. Душа средневековья - ночная душа, когда раскрывались стихии и энергии, которые закрылись потом для сознания трудового дня новой истории.

В каких чертах рисуется новое средневековье? Негативные черты схватить легче, чем позитивные. Это есть прежде всего, как я уже говорил, конец гуманизма, индивидуализма, формального либерализма культуры нового времени и начало вовсегда сияющей религиозной эпохи, в которую должны выявиться противоположные силы и начала, должно обнаружиться все, что оставалось в подпочве и подсознательном новой истории. Гуманистическое царство разлагается и распадается на предельный, антигуманистический и атеистический коммунизм и на долженствующую собрать в себе всякое подлинное бытие Церковь Христову. Это есть обращение от формализма нового времени, не совершившего никакого окончательного избрания, "избранию Бога или диавола, к обретению предметного содержания жизни. Все автономные сферы культуры и общественной жизни пришли к пустоте и небытию. Пафос автономно-секулярного творчества иссякает. Внутри всех сфер творчества пробуждается воля к религиозному избранию, к подлинному бытию, к преображению жизни. Ни одна из сфер творчества, ни одна из сторон культуры и общественной жизни не может уже остаться религиозно-нейтральной, вполне секулярной. Философия не собирается стать служанкой теологии, и общественность не собирается подчинить себя церковной иерархии. Но внутри познания, внутри общественной жизни пробуждается религиозная воля. Возможны только изнутри и свободно-обоснованные формы познания и формы общества. Так, на вершинах искусства обнаруживается стремление к теургии. К старой теократии, к старому гетерономному отношению между церковью и всеми сторонами жизни и творчества не может быть возврата. В

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org

старых теократиях не достигалось Царство Божье реально. Оно лишь символизировалось и ознаменовалось во внешних формах и знаках. Ныне обнаруживается воля к реальному достижению Царства Божьего, равно как и царства диавола, во всех сферах жизни, к свободной теономии в отличие от автономии и гетерономии. Познание, мораль, искусства, государство, хозяйство должны стать религиозными, но свободно и изнутри, а не принудительно и извне.

Никакая теология не регулирует внешне моего процесса познания и не ставит передо мной норм. Знание - свободно. Но я не могу уже осуществлять целей познания без обращения к религиозному опыту, без религиозного посвящения в тайны бытия. В этом я уже средневековый человек, а не человек новой истории. Я ищу не автономии от религии, я ищу свободы в религии. Никакая церковная иерархия не регулирует и не нормирует государственной и общественной жизни. И никакой клерикализм не может вернуть себе внешней силы. Но я могу слагать государство и общество, подвергнувшись разложению, лишь на религиозных основах. Я ищу не автономии государства и общества от религии, обоснования и укрепления государства и общества в религии. Я ни в чем уже не хочу свободы от Бога, я хочу свободы в Боге и для Бога. Когда кончается движение от Бога и начинается движение к Богу, когда само движение от Бога приобретает характер движения к диаволу, тогда начинается средневековье, кончается новое время. Бег должен ввесь окать центром всей нашей жизни, нашей мысли, нашего чувства, единственной мечтой нашей, единственной нашей надеждой и упованием. Моя жажда беспредельной свободы должна быть понята как моя распрая с миром, а не с Богом.

Кризис современной культуры начался уже давно. Он сознавался ее великими творцами. Войны, революции, внешние катастрофы только обнаруживали вовне внутренний кризис культуры. Революция внутри начинается раньше, чем выявление вовне. Культура по природе своей символична, в ней даны лишь символы, знаки иного духовного мира, но сам этот мир непосредственно реально не достигается. Эта символическая природа культуры часто не сознается теми, которые закованы в традиционные формы культуры.

Лишь символическое сознание понимает эту природу культуры, и оно же и стремится к преодолению символизма культуры и достижению реальности духовного мира.

Так, историческая теократия была лишь символична, она давала лишь символы, а не реальности Царства Божьего. Этого могли не сознавать люди, создававшие теократию и с благоговением склонившиеся перед ними. Люди символического религиозного сознания должны стремиться к реальному Царству Божему, т.е. к подлинному преображению жизни. Познание, искусство, мораль, государство, даже внешняя жизнь церкви не преображали реально жизни, не достигали сами по себе нового бытия, а давали лишь символы преображения, лишь знаки наиреальнейшего бытия. Вот этот символизм культуры, в котором и было ее величие и красота, и переживает кризис. Цивилизация XIX и XX веков отрицает священную символику культуры и хочет наиреальнейшей жизни, хочет овладения жизнью и преображения жизни. Для этого она создает свою могущественную технику. Кризис культуры подготавливается, с одной стороны, реалистической цивилизацией, ее жаждой жизни и могущества. С другой же стороны, из глубины кризис культуры начинается в обнаружении религиозной воли к реальному преображению жизни, к достижению нового бытия, новой земли и нового неба. Воля к преображению культуры в бытие создает кризис культуры. Она ведома величайшим людям культуры, и через них совершается кризис. Воля к последнему, истинно онтологическая воля, не может довольствоваться раздельными, автономными сферами культуры, она направлена к единству и целостности. Но кризис культуры есть вместе с тем упадок культуры в ее старых секулярных формах, упадок искусства, философии и пр. В нашу эпоху нет видимого и признанного духовного центра, центра умственной жизни эпохи. Университет перестал быть таким центром, он не имеет духовного авторитета. Властители дум нашей эпохи не академики. Ни академическая философия, ни академическое искусство не имеют никакого жизненного влияния. Совершенно так же, как официальная парламентская политика идет мимо жизни. Жизненные процессы в наше время осуществляются спонтанно, неофициальными путями. Так и должно быть в эпоху кризисов и переломов. Духовным центром в грядущую эпоху может быть только Церковь, как в средние века. Но сама жизнь Церкви ныне протекает и развивается какими-то неофициальными путями, внешне неприметными. Границы Церкви не сознаются отчетливо, на них нельзя указать пальцем, как на материальный предмет. Жизнь Церкви таинственна, и пути ее жизни непостижимы для рассудка. Дух дышит, где хочет. И в жизни Церкви происходят творческие процессы, которые внешним, официальным, чисто рационалистическим сознанием совеем не воспринимаются как церковные. Кризис культуры в том и

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
заключается, что она не может оставаться религиозно-нейтральной и гуманистической, что она неизбежно должна стать или безбожной, антихристианской цивилизацией или священной, церковной культурой, христианским преображением жизни. А это предполагает творческий процесс в жизни Церкви, раскрытие христианской истины о человеке и его призвании в мире, а также окончательное раскрытие тайны творения, тайны жизни космической. Истины антропологии и космологии не были еще достаточно раскрыты христианством вселенских соборов и учителей Церкви. Церковь космична по своей природе, и в нее входит вся полнота бытия. Церковь есть охристовленный космос. Это должно перестать быть отвлеченной, теоретической истиной, должно стать истиной жизненной, практической. Церковь должна перейти от по преимуществу храмового своего периода к космическому периоду, к преображению полноты жизни. Религия в новое время тоже стала дифференциальной частью культуры, ей было отведено отдельное и очень небольшое место. Она по-новому должна стать всем, силой, преображающей и просветляющей всю жизнь изнутри. Она должна, как свободная духовная сила, преображать жизнь. В христианстве наступает эпоха, когда большую роль будет играть религиозная интеллигенция, подобно тому как это было во времена великих учителей Церкви, начиная со св. Климента Александрийского. ёнарод" отпадает от веры, соблазненный атеистическим просвещением и социализмом. "Интеллигенция" же возвращается к вере. Это изменяет стиль христианства.

* * *

Новое средневековье преодолеет атомизм новой истории. Этот атомизм преодолевается или ложно - коммунизмом, или истинно - Церковью, соборностью. Новое средневековье, как и старое, иерархично по своему строению. Новая же история отрицала иерархизм во всех сферах. Человек не атом бескачественного механизма вселенной, а живой член органической иерархии, он органически принадлежит реальным общностям. Сама идея личности связана с иерархией, и атомизм уничтожает личность в ее качественном своеобразии. Мы живем в эпоху, когда неизбежен повсюду свободный возвращение к иерархическим началам. Лишь иерархические началасвидетельствуют о космическом ладе вселенной. Ведь и коммунизм, антииндивидуалистический, антилиберальный, антидемократический и антигуманистический, по-своему иерархичен. Он отрицает формальные свободы и равенства новой-истории и вырабатывает свою сатанократическую иерархию. Он стремится быть лжецерковью и лжесоборностью. И коммунизму нельзя уже противополагать антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, ему можно противополагать лишь подлинную, онтологически обоснованную иерархию, подлинную органическую соборность. Ведь и старые правые, консервативные монархические идеи, которые господствовали в жизни некоторых стран до войны и революции, были индивидуалистическими идеями. В основе их лежал аристократический гуманизм, как демократический гуманизм лежал в основе идей левых и прогрессивных. Гуманистическое самоутверждение лежало в основе монархии Людовиков XIV и XV, как и монархии Вильгельма и русской империи. Против аристократического, гуманистического самоутверждения всегда восстает демократическое гуманистическое самоутверждение, против абсолютной человеческой монархии - абсолютная человеческая демократия. Царь или дворянство, имеют не больше прав на власть, чем народ, чем крестьяне или рабочие. Потому, что вообще не существует человеческого права на власть, всякая похоть власти есть грех. Похоть власти Людовика XIV или Николая I есть такой же грех, как похоть власти Робеспьера или Ленина. Власть есть обязанность, а не право и власть тогда лишь правая, когда она осуществляется не во имя свое и не во имя своих, а во имя Божье, во имя правды. Новое время конструировало власть как право и интересовалось разграничением прав на власть. Новое средневековье должно конструировать власть как обязанность. И вся политическая жизнь, основанная на борьбе за право власти, должна быть признана нереальной, фиктивной, вампирической жизнью. В ней нет ничего онтологического. Политика на девятьдесятых всегда есть ложь, обман, фикция. И только одна десятая политики заключает в себе элемент реальный - осуществление власти, необходимой для существования мира, власти от Бога. Мы вступаем в эпоху, когда изверились уже во все политики и когда политическая сторона жизни не будет уже играть той роли, какую играла в новой истории, когда ей придется уступить место более реальным духовным и хозяйственным процессам. Естественный иерархизм жизни должен вступить в свои права, и личности с большим онтологическим весом, с большей одаренностью и годностью должны занять подобающее место в жизни. Без духовной аристократии жизнь не может процветать. И должно быть движение, противодействующее той социальной энтропии, которая охватила современные демократические общества. Принцип *action directe*, спонтанность личностей и групп будут опрокидывать старую

политику. Непосредственная, первичная жизнь получит преобладание над вторичной и отраженной жизнью политики. Политические партии и их вожаки, вероятно, потеряют всякое значение, и не через партии будут выдвигаться сильные люди. Окончательно отомрут парламенты с их фиктивной, вампирической жизнью наростов на народном теле, неспособных уже выполнять никакой органической функции. Биржи и газеты не будут уже управлять жизнью. В социальной жизни произойдет упрощение, возвращение к более элементарным процессам борьбы за существование. Социальная жизнь должна будет приобщиться к первоисточникам жизни, сделаться более природной, менее искусственной. Люди, вероятно, будут группироваться и соединяться не по политическим признакам, всегда вторичным и в большинстве случаев фиктивным, а по хозяйственным, непосредственно жизненным, профессиональным, по сферам творчества и труда. Старые сословия и классы отмирают, и на их место идут профессиональные группы духовного и материального труда. Профессиональным союзам, кооперациям, цехам принадлежит, конечно, огромное будущее. И это есть признак возвращения к средневековью на новых началах. Политические парламенты - выродившиеся говорильни - будут заменены деловыми профессиональными парламентами, собранными на основах представительства реальных корпораций, которые будут не бороться за политическую власть, а решать жизненные вопросы, решать, например, вопросы сельского хозяйства, народного образования и т.п. по существу, а не для политики. Будущее принадлежит синдикалистскому типу общества, конечно, не в смысле революционного синдикализма. Успех может иметь только политика, в которой решительный социальный радикализм будет сочетаться с иерархическими началами власти. И в анархизме есть своя доля истины, посильно он противится власти политики и преувеличеному значению государства.

Новое средневековье неизбежно будет в высшей степени народно, но совсем-недемократично. Отныне в судьбах государств будут играть большую роль трудящиеся массы, народные слои. Всякая будущая политика должна с этим считаться и искать путей для ограничения власти масс над культурой качеств. В России будет играть господствующую роль крестьянство. Но это совсем не значит, что народные массы, которые нельзя уже вернуть к состоянию до мировой катастрофы, непременно будут осуществлять волю к политической власти в политических демократиях, через всеобщее избирательное право и пр. Опыт русской революции наглядно показал, что народные массы не всегда стремятся выразить свое возрастающее социальное значение в демократии, в народоправстве. Демократии связаны с господством буржуазного слоя, с индустрально-капиталистической системой, отстаивающей свои интересы, с образованием слоя профессиональных политиков. Народные массы обычно равнодушны к политике и не в силах никогда осуществить воли к власти. Есть гораздо больше оснований думать, что крестьяне и рабочие, социальный вес которых неизбежно возрастет, будут стремиться к профессионализму, корпоративному представительству и самоуправлению, к "советскому" принципу, но в истинном и реальном смысле слова, а не в том фиктивном, которым прикрывается диктатура коммунистической партии в "советской" России. Спасать государство и общество от окончательного разложения и развала будут общественные союзы, в высшей степени жизненные, корпоративно-профессиональные, с одной стороны хозяйственные, с другой стороны духовные. Из этих союзов будут слагаться общество и государство нового средневековья. Должны быть удовлетворены материальные и духовные запросы масс, а не их стремление к власти. Власть никогда не принадлежала и не может принадлежать большинству. Это противоречит природе власти. Власть имеет иерархическую природу и иерархическое строение. Так будет и в будущем. Народ не может сам собой править, он нуждается в правителях. В демократических республиках правит совсем не народ, а незначительное меньшинство вожаков политических партий, банкиров, газетчиков и т.п. Так называемый народный суверенитет есть только мгновение в жизни народа, лишь разлив народной стихии. Сложение общества и государства, образование социального космоса есть всегда процесс возникновения неравенства и иерархии, выделение правящего слоя. И вполне возможно, что единство обществ и государств в новое средневековье выльется в формы монархические. Народные массы сами могут пожелать монарха, узнают своего вождя и героя. Но если возможны еще монархии, то они будут, конечно, нового типа, не типа старой новой истории, ближе к средневековому типу, в них будут преобладать черты цезаризма. Я давно уже думаю и высказывал эту мысль еще в 18-19 гг., что мы, особенно Россия, идем к своеобразному типу, который можно назвать "советской монархией", синдикалистской монархией, монархией новой социальной окраски. Старый легитимизм умер, он принадлежал новой истории, и погоня за его восстановлением есть погоня за призраком. Монархии нового средневековья не будут форма-листически-легитимистическими монархиями. В них принцип социального реализма будет преобладать над принципом юридического формализма. Окружать монархию будут не сословия, а социальные и культурные

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
профессии в иерархическом строении. Но власть будет сильной, часто диктаторской. Народная стихия наделит избранных личностей священными атрибутами власти. Принудить народ к монархии нельзя будет, народ реально-жизненными путями сам будет решать формы правления в зависимости от своих верований. Но такого рода "народный суверенитет", который в известном смысле всегда существовал, не означает демократии. Во всяком случае, вопрос о формах власти нужно считать проблематическим и второстепенным.

Будущие общества будут, конечно, трудовыми обществами. В основу их будет положен принцип труда духовного и материального, не бескачественного труда социалистов, а качественного труда. Такова всегда была христианская идея. Слишком большой досуг и праздность привилегированного слоя новой истории прекратятся. Аристократия сохранится навеки, но приобретет более одухотворенный характер, будет скорей психологической, чем социологической категорией. Жизнь станет более суровой и бедной, блеска новой истории более не будет. Наступают времена, которые потребуют огромного напряжения человеческого духа, огромного труда. Должно будет выработать особого рода монашество в миру, особого типа монашеского ордена. Будет поставлена проблема о религиозном смысле и религиозном освящении труда, который не хотела знать новая история, так как стремилась освободить человека и классы от бремени труда. Самый труд должен быть понят как творчество. Капитализм и социализм механизируют труд, и потому проблема труда для них не существует. Ограничение потребностей и большая напряженность труда всех классов общества характерны для нового исторического периода. Только так сможет существовать обедневшее человечество. Внутренне же центр тяжести жизни должен быть перенесен со средств жизни, которыми так долго были исключительно поглощены люди новой истории, на цели жизни. Это есть обращение к самой жизни, к ее внутреннему содержанию, а не к проецированию жизни вовне, во времени, в будущее. Идея "прогресса" будет отброшена как закрывающая истинные цели жизни. "Прогресс" прекратится с окончанием новой истории. Будет сама жизнь, будет творчество, будет обращение к Богу или к диаволу, но не будет "прогресса" в том смысле, в каком одержим был этой идеей XIX век. Необходимо остановить ускоряющееся движение времени, влекущее нас к небытию, получить вкус к вечности. Но наряду с этим будет действовать и воля к расширению власти фиктивной цивилизации, будет действовать и антихристов дух.

Характерным для нового средневековья мне представляется еще то, что в нем большую роль будет играть женщина. Исключительно мужская культура истощила и подорвала себя в мировой войне. И в последние годы великих испытаний женщина начала играть огромную роль, она оказалась на большей высоте. Женщина более связана с душой мира, с первичными стихиями, и через женщину мужчина приобщается к ним. Мужская культура слишком рационалистична, слишком далеко ушла от непосредственных тайн космической жизни и возвращается к ним* она через женщину. Женщины играют большую роль в религиозном пробуждении нашего времени. Женщины предназначены быть женами-мироносицами. День был временем исключительного преобладания мужской культуры. Ночь есть время, когда вступает в свои права и женская стихия. Увеличение роли женщины в грядущий исторический период совсем не означает продолжения женского эмансипационного движения нового времени, которое стремилось уподобить женщину мужчине и повести женщину мужским путем. Это было антииерархическое, уравнительное движение, отрицавшее своеобразную качественность женской природы, вечную женственность. Мужское начало должно владеть женским, а не быть в рабстве у него, как часто бывало в новой истории, например во Франции. Не эмансипированная и уподобленная мужчине женщина, а "чна" женственность должна играть большую роль в грядущий период истории. Это связано будет с кризисом стихии рода и родовой семьи, который составляет глубокую подпочву переживаемого мирового кризиса. Христианство не может осуществить своих упований в стихии рода, в той рождающей стихии, которая обращена к дурной бесконечности сменяющихся поколений. Основная проблема жизни и есть проблема преображения пола, просветление женственной стихии, претворение энергии рождающей в энергию творящую. Естественный род старого Адама должен быть претворен и преображен в духовный род нового Адама. Это связано с раскрытием мистического смысла любви, любви преображающей, обращающей не ко времени, а к вечности. Тут мы выходим из берегов новой истории, из ее рационального дня и вступаем в мистическую ночь средневековья. К этой теме нельзя прикасаться словами новой истории.

Для наступления нового средневековья характерно также распространение теософических учений, вкус к оккультным, наукам, возрождение магии. Сама наука возвращается к своим магическим истокам, и скоро окончательно выявится

Бердяев Н. Новое средневековье filosoff.org
магический характер техники. Религия и знание вновь приходят в соприкосновение, и рождается потребность в религиозном гнонисе. Мы опять вступаем в атмосферу чудесного, столь чуждую новой истории, опять возможна станут белая и черная магии. Опять возможны станут страшные споры о тайнах божественной жизни. Мы переходим от душевного периода к духовному периоду. Будущее - двойственно, и мы не верим в необходимость и принудительность отрадного, светлого, желанного будущего. Иллюзии земного счастья не имеют уже никакой силы над нами. Ощущение зла должно стать сильнее и остree в новом средневековье. Сила зла будет возрастать, принимать новые формы и причинять новые страдания. Но человеку дана свобода духа, свобода избрания пути. Христиане должны волю свою направить к созданию христианской общественности и христианской культуры, превыше всего искать Царства Божьего и правды его.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!